

Ночь выдалась на редкость тихой. Костер горел ровно и жарко, ярко освещая лица людей, собравшихся вокруг огня. Ли Маоцюню так напекло ноги, что кожа зазудела; он отодвинулся чуть назад.

«Завтра обязательно нужно встать пораньше и обшарить как можно больше деревьев...»

Увидев, как Ли Цинчжо крошит линчжи прямо в котелок, дядя оторопел. Он подался вперед, едва не пытаясь выхватить гриб из кипящего варева:

— Чжо-эр, ты что ж творишь? Такое добро — да в суп с мясом?

— Этими грибами и впрямь можно заправлять похлебку, — ответил Ли Цинчжо, заметив, как болезненно Ли Маоцюнь воспринял потерю. — Дядя, белый линчжи — не такая уж редкость. Он однолетний, в лечебном деле его чаще всего используют для простых отваров да настоек.

Собеседник лишь растерянно моргнул:

— Не может быть. Сушеные грибы и те стоят немало, неужто линчжи дешевле обычного опенка?

Ли Цинчжо помешивал варево деревянной ложкой:

— Здешние грибы статью и качеством превосходят все, что я видел прежде. Но всё же... за одну такую находку дадут не больше, чем за одну кроличью шкурку.

У Ли Маоцюня даже плечи опали. Он-то вообразил, что они нашли несметные сокровища, а на деле всё оказалось куда прозаичнее. Впрочем, не он один: Ли Цинжуй тоже слушал брата с удивлением. В их краях леса стояли голые, и о линчжи они знали разве что из сказок, где те описывались как бесценные дары богов.

Однако уныние длилось недолго. Одна шкурка снежного кролика — тоже неплохо, особенно если учесть, сколько этих грибов в лесу. Бери — не хочу.

Ци Минь, который был родом из влажной и лесистой провинции Хунчжоу, разобрался в лесных дарах лучше прочих.

— Здешний климат особенный, — вставил он. — Линчжи хоть и не велики ростом, зато плотные и чистые. Куда лучше тех, что растут в наших лесах.

Ли Цинвэнь тем временем вертел в руках кусок бересты. Зимой кору с березы снять почти невозможно, но этот лоскут сам отслоился от ствола, треснувшего на лютом морозе. Материал был гибким и удивительно приятным на ощупь.

Из бересты можно было смастерить столько полезных вещей! Юноша вспомнил берестяную сумку, которую дед когда-то привез из лесного края; та сумка до сих пор, должно быть, висит дома на почетном месте.

На ужин в тот вечер была крольчатина. Каждому досталось по несколько полных мисок. То ли из-за грибной добавки, то ли от общего настроения, но мясо казалось необычайно нежным и ароматным. Ли Цинвэнь с удовольствием прихлебывал горячий наваристый бульон, осушив две порции разом.

Заметив это, Ци Минь ехидно усмехнулся:

— Пей-пей, Сынок. Глядишь, ночью еще разок в кусты сбегаешь, да и наткнешься на оленье рога. Тогда уж точно до конца жизни разбогатеешь.

Мальчик лишь фыркнул в ответ и отставил миску. Справлять нужду на таком холоде было сомнительным удовольствием.

Внезапно один из спутников, человек невысокого роста, всхлипнул прямо над едой.

— Мои отец с матерью... — пробормотал он, утирая слезы, — они за всю свою жизнь столько мяса за раз не видели...

Слова его камнем легли на сердце присутствующих. Лица людей помрачнели. Многие из них жили так же, как семья Ли — в вечной нужде и заботах о куске хлеба. Здесь же, в этом походе, они каждый день ели досыта, но эта сытость неизбежно пробуждала тоску по родным, оставшимся в далеких краях и живущим впроголодь.

У каждого в душе нарывала рана: кто-то был единственной опорой для старых родителей, кто-то не успел обзавестись семьей до ссылки. Оказавшись за тысячи ли от дома, они больше не могли сдерживать чувств. У многих покраснели глаза.

Ли Маоцюнь тоже был растроган, но по-своему. По дому он почти не тосковал — слишком тяжелой была там жизнь. Он думал о том, что путь этот хоть и тяжок, но открыл ему глаза на мир. И еще... здесь оказалось вовсе не так страшно, как малевали в слухах. Да, холодно до костей, но сколько здесь диковинных и чудесных вещей!

Цзян Цун молча смотрел на пламя, погруженный в свои думы. Ли Цинвэнь легонько потянул его за рукав:

— Брат, ты тоже по дому тоскуешь?

Старший брат Цзян кивнул. С тех пор как они покинули провинцию Хунчжоу, прошло уже несколько месяцев. Раньше по долгу службы он тоже редко бывал дома, но тогда он знал, что всегда сможет вернуться. Теперь же всё изменилось: ссылка — это навсегда. Можно оставить кости в этом Пограничном городе, так и не взглянув напоследок в родные лица.

Ли Цинвэнь понимал, что простыми словами тут не поможешь.

— А ты напиши письмо, — предложил он. — Я его с собой заберу и передам твоим. А когда они ответят, я привезу тебе их весточку.

Благодетель замер, не зная, чему больше радоваться — возможности подать о себе знак или тому, что юноша собирается вернуться сюда снова.

Не успел он ответить, как к ним подсел Старина Сунь:

— Сынок, я уж наберусь наглости и тоже попрошу... Раз ты берешься доставить письмо Старшему брату Цзян, не откажи и мне. Мои ведь живут совсем рядом с его домом...

Люди тут же обступили их, наперебой выкрикивая просьбы:

— И мне! И моим передай! Мы ведь тоже из тех мест!

Видя такой напор, Ли Цинвэнь поспешно замахал руками:

— Хорошо-хорошо! Передам всем, не беспокойтесь!

Цзян Липин довольно крикнул:

— Эх, братцы, всем нам повезло, что мы с Цзян Цуном в одном отряде.

Ли Цинжуй добавил серьезно:

— Мы теперь все одной нитью связаны, вместе и в огонь, и в воду. Доставить весточку домой — дело нехитрое, но важное.

Благодаря этому разговору тяжесть на душе немного развеялась. Люди начали наперебой обсуждать, что напишут родным, как опишут свою новую жизнь. Только Ма Юнцзян сидел хмурый и ворчал:

— Толку-то с этих писем, если самим назад дороги нет.

— Так ты можешь и не писать, — отозвался кто-то рядом. — Мешки легче будут.

— Это еще почему не писать?! — всполошился Ма Юнцзян. — Родители места себе не находят, небось. Я должен им сказать, что добрался в целости, и что ем тут до отвала!

Цзян Липин тем временем подсел поближе к Ли Цинвэню и с любопытством спросил:

— Слушай, Сынок, вы с братом ведь бывали в нашей Хунчжоу раньше. Долго вы там пробыли?

Почему-то теперь все, вслед за братьями Ли, начали называть мальчика этим прозвищем. Ли Цинвэнь замялся, не в силах припомнить детали, и за него ответил Ли Цинжуй:

— Дорога была долгой, а там мы прожили чуть больше месяца. На обратном пути на нас напали разбойники, и если бы не Благодетель, не сидеть бы нам здесь. Он тогда видел, как нам худо пришлось, и хотел оставить денег на дорогу. Отец наотрез отказался брать, так Цзян Цун их тайком Сынку подсунул.

Юноша округлил глаза, совершенно не помня этого случая:

— Ого! Брат Цзян, ты нам еще и денег дал?

Тот, вороша угли прутиком, негромко произнес:

— Да немного там было, может, с тысячу медяков. Мы тогда при казенном деле были, на полном обеспечении в почтовых станциях, так что деньги в пути особо не требовались.

— Тысяча шестьсот тридцать один медяк, — Ли Цинжуй помнил всё до последнего гроша. — Тот кожаный мешочек был набит под завязку. Мы уже прилично отъехали, а я всё гадал: чего это мешок, который вначале был плоским, вдруг так округлился в руках у малого... А потом монеты посыпались, и мы всё поняли.

Повернувшись к младшему брату, он добавил:

— Тот самый мешочек, что на окне в западной комнате лежит. Ты его в детстве из рук не выпускал, так он тебе полюбился.

— А-а, так вот откуда он взялся! — Ли Цинвэнь наконец-то сообразил, о чем речь.

— Хунчжоу — края благодатные, — мечтательно продолжил Ли Цинжуй. — Горы все зеленые,

трава густая, какой у нас и не видывали. И цветов, и деревьев — всё в диковинку. А воды сколько! Река за рекой, пруды повсюду... Не то что у нас, где дождя по полгода не допросишься.

Слыша похвалы родным местам, хунчжоусцы расплывались в улыбках, хоть и скромничали для вида:

— Избыток воды — тоже беда не малая. Как начнет заливать — и поля, и дома под воду уходят. Хуже засухи бывает.

— Зато и люди в Хунчжоу славные растут. Поглядите на Цзян Цуна — настоящий богатырь...

— В Бинчжоу тоже мужики не промах!

Так, в дружеских спорах и добрых воспоминаниях, прошел вечер.

На следующее утро Ли Цинвэнь проснулся раньше всех. Еще до рассвета его подняла из постели нужда. Спешно натягивая одежду на морозе, он проклинал вчерашнюю жадность до супа. Цзян Цун поднялся следом за ним.

После долгой битвы с ледяным ветром Ли Цинвэнь дал себе торжественную клятву: больше никогда не пить столько бульона на ночь!

Несмотря на то, что белый линчжи оказался не так дорог, как мечталось, Ли Маоцунь не мог уняться. Он лез на одно дерево за другим, и лишь когда отряд собрался уходить вглубь леса, он нехотя спустился на землю.

Войдя в чащу, они не решались забираться слишком далеко. Люди разделились на три группы и разошлись в разные стороны. Ли Цинвэнь пошел на восток вместе с Цзян Цуном и старшим братом.

В этой части леса росли не только березы. Повсюду лежали поваленные стволы и высились старые сушины. Кора многих деревьев была густо усыпана юньчжи. Ли Маоцунь тут же взялся за лопатку, а Ли Цинчжо подставлял мешок, собирая добычу.

Благодетель, заметив на снегу цепочку крошечных следов, поправил шапку и негромко произнес:

— Похоже, здесь много белок.

Ли Цинвэнь, обожавший всякую пушистую живность, тут же загорелся желанием их увидеть и последовал за братом. Довольно долго они шли по следу, но самих зверьков так и не встретили.

Зато наткнулись на несколько беличьих схронов. Цзян Цун, прищурившись, оглядел дерево, подхватил мешок и ловко полез вверх.

Дупло располагалось невысоко. Ухватившись одной рукой за сук, он залез другой рукой внутрь и начал перекидывать содержимое в мешок. Когда Старший брат Цзян спустился, ноша заметно отяжелела — в ней было не меньше десяти-пятнадцати цзиней лесного богатства. Заглянув внутрь, Ли Цинвэнь увидел отборные лесные орехи, кедровые семена и еще какие-то незнакомые ему орешки.

Мальчик потерял дар речи. Беличье хозяйство оказалось на редкость богатым!

— Я всё забирать не стал, — пояснил Цзян Цун. — Оставил им немного на прокорм. Раз тут такие запасы, значит, где-то рядом растут кедр и орешник.

Ли Цинвэню не терпелось пойти и самому собрать кедровых орехов, но и мысль о том, чтобы разорить еще пару беличьих кладовых, казалась заманчивой. Он замер в нерешительности.

— Вон там, впереди, есть дупло пониже, — пришел на помощь Благодетель. — Глянь, что там припрятано.

Сынок со всех ног бросился к указанному дереву. С восторгом он выгребал пригоршню за пригоршней миндаль и кедровые семечки. Было в этом занятии — получать дары, не трудясь — какое-то особенное, детское удовольствие.

После недолгих терзаний совести Ли Цинвэнь всё же оставил белкам добрую половину их запасов. Он знал, что у этих зверьков обычно много таких кладовых, но зима обещала быть долгой — и для людей, и для лесных обитателей.

Когда юноша собрался спускаться, Цзян Цун, приподнявшись на цыпочки, подхватил его и бережно снял с дерева. Ли Маоцунь, заметив это, расхохотался:

— Глядите-ка! Зря мы, что ли, тащили твоего Благодетеля полпути на руках? Вот теперь он долги-то и отдает!

Ли Цинвэнь хихикнул, крикнул остальным, что они уходят вперед, и продолжил путь.

Пройдя около трех-пяти ли, они вышли к сосновому бору. Деревья здесь стояли, точно в высоких белых шапках из снега. Снежный покров под ними был тоньше, а поверхность его казалась гладкой и блестящей, словно зеркало. Идти стало легче, только под ногами иногда похрустывали упавшие сосновые шишки.

Мальчик то и дело наклонялся, выуживая их из-под снега. Он считал, что раз уж они встретились на пути, то пройти мимо было бы просто неучтиво.

Сосны вымахали огромными. У некоторых стволы были ободраны почти до середины. Цзян Цун объяснил, что это лесные кабаны чешут бока, избавляясь от зуда. Со временем на их шкуре нарастает слой смолы и жира — такая «броня» делает их почти неуязвимыми для стрел.

Добыча оказалась на диво тяжелой, поэтому, наполнив мешки лишь наполовину, они решили поворачивать назад. Им казалось, что они отлучились всего на миг, но, вернувшись к условленному месту, они обнаружили, что солнце уже в зените. Не желая искушать судьбу в лесу, все поспешили к лагерю.

<http://bllate.org/book/15828/1439131>